

Эрих Мария Ремарк

ВРЕМЯ ЖИТЬ
И ВРЕМЯ УМИРАТЬ
♦
ЧЕРНЫЙ ОБЕЛИСК
♦
ЖИЗНЬ ВЗАЙМЫ,
ИЛИ
У НЕБА
ЛЮБИМЧИКОВ НЕТ

Романы

Санкт-Петербург

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44
Р 37

Erich Maria Remarque
ZEIT ZU LEBEN UND ZEIT ZU STERBEN
DER SCHWARZE OBELISK
DER HIMMEL KENNT KEINE GÜNSTLINGE

Печатается с разрешения
The Estate of the Late Paulette Remarque
и литературных агентств Mohrbooks AG Literary Agency
и Synopsis Literary Agency.

Перевод с немецкого
Михаила Рудницкого, Веры Станевич, Нины Федоровой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Виктории Манацковой

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-33078-8 (Азбука)
ISBN 978-5-17-189272-2 (АСТ)

© New York University, successor-in-interest to the
literary rights of The Estate of the Late Paulette
Goddard Remarque, 1954, 1956, 1961
© М. Л. Рудницкий, перевод, 2026
© В. О. Станевич (наследники), перевод, 2026
© Н. Н. Федорова, перевод, 2026
© Издание на русском языке AST Publishers, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

I

В России смерть пахла не так, как в Африке. В Африке, под мощным огнем англичан, трупы тоже нередко подолгу лежали непогребенные между позициями, но солнце работало быстро. Ночью вместе с ветром долетал запах, сладковатый, душный, тяжелый, — мертвецы, вспученные газом, призрачно поднимались в свете чужих звезд, словно вновь сражались, молча, без надежды, каждый в одиночку, но уже на следующий день начинали съезжаться, припадать к земле, бесконечно усталые, как бы стремясь зарыться в нее; когда же позднее удавалось их вынести, иные были уже легкими и сохшимися, а от тех, кого случайно находили недели спустя, оставались едва ли не одни скелеты, гремевшие в неожиданно чересчур просторных мундирах. Там смерть была сухая, в песке, на солнце и ветру. В России же — грязная, зловонная.

Уже много дней кряду лил дождь. Снег таял. Месяцем раньше сугробы были куда выше — метра на два с лишним. Разрушенная деревня, которая поначалу состояла будто из одних только обугленных крыш, ночь за ночью беззвучно вырастала из оседающего снега. Выползли на свет оконные наличники, еще несколько ночей спустя — дверные рамы, потом ступеньки, ведущие в гнилую белизну. Снег таял и таял, и мало-помалу появлялись мертвецы.

Давние мертвецы. Деревня несколько раз переходила из рук в руки — в ноябре, в декабре, в январе и теперь, в апреле. Ее занимали и оставляли, оставляли и занимали снова, налетавшие метели заносили трупы снегом, за несколько часов нередко наметало такие сугробы, что многих санитары уже не могли отыскать, а затем едва ли не каждый день набрасывал на разорение новый слой белизны, как медсестра набрасывает простыню на окровавленную постель.

Сперва появились январские мертвецы. Они лежали поверх остальных и обнаружили в начале апреля, вскоре после того, как снег начал оплывать. Их тела замерзли в камень, а лица были серые, восковые.

Хоронили их, как доски. На бугре за деревней, где снег был не очень глубокий, его раскидали и кирками долбили могилы в заледенелой земле. Утомительная работа.

Возле декабрьских мертвецов находили оружие, принадлежавшее январским. Винтовки и ручные гранаты погружались глубже, чем тела, иногда попадались и каски. У этих трупов было легче срезать из-под френчей личные знаки — талая вода успела размягчить ткань. Эта вода стояла в открытых ртах, словно мертвецы утонули. У некоторых частично оттаяли и тела. Когда их уносили, тело еще оставалось окоченевшим, но рука уже свисала с носилок и покачивалась, будто он размахивал ею, до ужаса равнодушно и почти непристойно. У всех, когда они лежали на солнце, сперва оттаивали глаза. Теряли стеклянный блеск, делались студенистыми. Лед в них таял и медленно вытекал, словно слезы.

Внезапно на несколько дней опять сильно подморозило. Снег покрылся ледяной коркой наста. Перестал оседать. Но потом снова задул неприятный, сырой ветер.

Сначала в блеклой белизне завиднелось серое пятно. Часом позже это была рука, судорожно тянувшаяся вверх.

— Еще один, — сказал Зауэр.

— Где? — спросил Иммерман.

— Вон там, у церкви. Попробуем откопать?

— Зачем? Ветер сам его откопает. Снег там пока что глубокий, не меньше одного-двух метров. Чертова деревня лежит в низине. Или тебе позарез надо зачерпнуть сапогами лишнюю порцию ледяной воды?

— Да нет, конечно. — Зауэр глянул в сторону кухни. — Не знаешь, что нынче дадут пожрать?

— Капусту. Капусту со свиной, картошкой и водой. Насчет свинины промашка.

— Капуста! Понятно! Третий раз на этой неделе. — Зауэр растегнул брюки и начал мочиться. — Год назад получалось классно, — горько пояснил он. — Лихо, по-военному, чин чинарем. Са-

мочувствие отличное. Жратва первый сорт! Наступление, каждый день продвигались на столько-то километров! Я думал, скоро вернусь домой. А теперь мочусь как штатский, уныло и без удовольствия.

Иммерман сунул руку под френч, стал не спеша почесываться.

— А по мне, без разницы, как мочиться, лишь бы опять на гражданку.

— По мне, тоже. Но, по всему видать, мы навек останемся в солдатах.

— Ясное дело. Герои, пока не сдохнем. Только СС пока лихо мочится.

Зауэр застегнул брюки.

— Еще бы. Мы делаем грязную работу, а эта братва загребают почести. Мы две-три недели деремся за какой-нибудь паршивый город, а в последний день заявляется СС и победоносно вступает туда впереди нас. Ты глянь, как о них пекутся! Всегда самые теплые шинели, самые лучшие сапоги и самый большой кусок мяса!

Иммерман ухмыльнулся:

— Теперь и СС города не занимает. Отходит. Как и мы.

— Не как мы. Мы не сжигаем и не расстреливаем всех и все что ни попадя.

Иммерман перестал чесаться.

— Что с тобой сегодня? — удивленно спросил он. — Вдруг человеческий тон! Смотри, как бы Штайнбреннер не услышал, не то живо загремишь в штрафную роту. Глянь-ка, снег у церкви просел! Уже и часть плеча видно.

Зауэр посмотрел в ту сторону.

— Если и дальше так будет таять, завтра он повиснет на каком-нибудь кресте. Он там, где надо. Аккурат над кладбищем.

— Это кладбище?

— А как же. Ты чего, не помнишь? Мы ведь тут уже бывали. При последнем наступлении. В конце октября.

Зауэр подхватил свой котелок.

— Вон полевая кухня! Быстрей, не то нам одна жижа достанется.

Рука все росла, росла. Казалось, не снег тает, а она как бы медленно вырастает из земли, словно смутная угроза и оцепенелая мольба о помощи.

Ротный остановился.

— Что это там?

— Какой-то русский, господин лейтенант.

Раэ присмотрелся. Разглядел линиялый рукав.

— Это не русский, — сказал он.

Фельдфебель Мюкке пошевелил пальцами в сапогах. Он терпеть не мог ротного. Конечно, стоял перед ним навытяжку, по уставу, — дисциплина превыше всех личных чувств, — но, чтобы дать выход презрению, незаметно шевелил пальцами в сапогах. Болван, думал он. Брехун!

— Распорядитесь откопать его, — сказал Раэ.

— Слушаюсь.

— Пошлите прямо сейчас несколько человек. Неприглядное зрелище.

Слабак, думал Мюкке. В штаны наклал! Неприглядное зрелище! Будто мы первый раз мертвеца видим!

— Это немецкий солдат, — сказал Раэ.

— Так точно, господин лейтенант. Последние четыре дня мы находили только русских.

— Откопайте его. Тогда и посмотрим, кто он. — Раэ зашагал к своей квартире.

Чванливая обезьяна, подумал Мюкке. У него и печка есть, и теплый дом, и Железный крест на шее. А у меня ЖК-один и то нету. Хотя я и заслужил его точно так же, как этот все свои побрякушки.

— Зауэр! — крикнул он. — Иммерман! Сюда! С лопатами! Кто тут еще? Гребер! Хиршман! Бернинг! Штайнбреннер, вы за старшего! Вон та рука! Откопать и похоронить, если это немец! Бьюсь об заклад, что нет.

Штайнбреннер прогулочным шагом подошел ближе.

— Спорим? — спросил он. Голос у него был высокий, мальчишечий, и он тщетно старался держать его пониже. — А на сколько?

Секунду помедлив, Мюкке ответил:

— На три рубля. На три оккупационных рубля.

— Пять. На меньшее не согласен.

— Ладно, пускай пять. Но только деньги на бочку.

Штайнбреннер рассмеялся. Зубы блеснули в неярком солнце. Ему было девятнадцать, блондин с лицом готического ангела.

— Само собой, деньги на бочку! Как же иначе, Мюкке?

Мюкке недолюбливал Штайнбреннера, но боялся его и соблюдал осторожность. Каждый знал, что тот махровый нацист.

— Ладно, ладно. — Мюкке извлек из кармана черешневый портсигар с выжженным на крышке цветочным узором. — Сигарету?

— А то.

— Фюрер не курит, Штайнбреннер, — невозмутимо обронил Иммерман.

— Заткнись.

— Сам заткнись.

— У тебя, похоже, не житуха, а лафа. — Штайнбреннер приподнял длинные ресницы, искоса глянул на него. — Подзабыл уже кое-что, да?

Иммерман рассмеялся:

— Я не очень-то забывчив. И знаю, куда ты клонишь, Макс. Но и ты не забывай, что я сказал. Фюрер не курит. Вот и все. Тут четыре свидетеля. И фюрер правда не курит, это каждый знает.

— Хватит болтать! — прицыкнул Мюкке. — Начинайте откапывать. Приказ ротного.

— Ну, тогда за дело! — Штайнбреннер закурил сигарету, которой его угостил Мюкке.

— С каких это пор в наряде курят? — спросил Иммерман.

— Это не наряд, — раздраженно бросил Мюкке. — Кончайте треп и откапывайте русского. Хиршман, вы тоже.

— Там не русский, — сказал Гребер. Он единственный проложил вверх по сугробу несколько досок и начал отгребать снег вокруг руки и груди. Теперь стал отчетливо виден сырой френч.

— Не русский? — Штайнбреннер быстро и уверенно, как танцор, прошел по шатким доскам, присел на корточки рядом с Гребером. — А ведь правда! Обмундирование немецкое. — Он обернулся. — Мюкке! Это не русский! Я выиграл!

Мюкке подошел тяжелой походкой. Уставился в яму, куда с краев медленно стекала вода.

— Не понимаю, — проворчал он. — Без малого неделю одних только русских находили. Должно быть, этот из декабрьских, просто провалился в глубину.

— А может, и из октябрьских, — сказал Гребер. — Здесь тогда наш полк проходил.

— Чепуха. Не может быть, чтоб из тех.

— Может. Здесь у нас был ночной бой. Русские отступали, и мы сразу двинули дальше.

— Так и есть, — кивнул Зауэр.

— Чепуха! Наш обоз наверняка подобрал и похоронил всех убитых. Наверняка!

— А вот я не уверен. В конце октября уже были сильные снегопады. А мы в ту пору еще быстро наступали.

— Второй раз повторяешь. — Штайнбреннер взглянул на Гребера.

— Можешь и еще разок послушать, если охота. Мы тогда пошли в контрнаступление и продвинулись больше чем на сто километров.

— А теперь отступаем, да?

— Теперь мы опять здесь.

— Стало быть, отступаем... или нет?

Иммерман предостерегающе толкнул Гребера локтем.

— А что, разве наступаем? — спросил Гребер.

— Мы сокращаем свои позиции.

Иммерман насмешливо посмотрел Штайнбреннеру в лицо:

— Уже целый год. Стратегическая необходимость, чтобы выиграть войну. Это ж всякий знает.

— На руке-то кольцо, — вдруг сказал Хиршман. Он продолжал копать, отрыл другую руку покойника.

Мюкке наклонился к яме.

— Верно. Даже золотое. Обручальное кольцо.

Все тоже стали смотреть.

— Ты поосторожнее, — шепнул Греберу Иммерман. — Иначе этот гад оставит тебя без отпуска. Донесет как на критикана. Только того и ждет.

— Просто нос задирает. Ты лучше сам остерегайся. Он больше за тобой следит, чем за мной.

— Да мне плевать, я в отпуск не собираюсь.

— Значки нашего полка, — сказал Хиршман. Он продолжал раскапывать снег руками.

— Стало быть, уж точно не русский, а? — Штайнбреннер послал ухмылку нагнувшемуся Мюкке.

— Да, не русский, — с досадой бросил фельдфебель.

— Пять марок! Жаль, на семь не поспорили. Ну, гони монету!

— У меня нет с собой денег.

- А где ж они? В Имперском банке? Давай гони!
- Мюкке злобно глянул на Штайнбреннера. Потом достал спрятанный на груди мешочек и отсчитал деньги.
- Нынче все наперекосяк! Черт побери!
- Штайнбреннер сунул деньги в карман.
- По-моему, это Райке, — сказал Гребер.
- Что?
- Лейтенант Райке из нашей роты. Его погоны. А на правом указательном пальце недостает верхней фаланги.
- Чепуха. Райке был ранен, его вынесли. Так мы после слышали.
- Это Райке.
- Откопайте лицо.
- Гребер и Хиршман копали дальше.
- Осторожно! — крикнул Мюкке. — Голову не заденьте лопатами.
- Из снега проступило лицо. Мокрое и какое-то странное, с глазницами, еще полными снега, будто скульптор не вполне доделал маску, оставил ее слепой. Меж синими губами поблескивал золотой зуб.
- Я его не узнаю, — сказал Мюкке.
- Наверняка он. Других офицеров мы здесь не теряли.
- Протрите ему глаза.
- Гребер секунду помедлил. Потом рукавицей осторожно смахнул снег:
- Да, это он.
- Мюкке заволновался. И теперь стал командовать сам. Офицер, решил он, а значит, командовать должен старший по званию.
- Поднимайте! Хиршман и Зауэр — за ноги, Штайнбреннер и Бернинг — за руки. Гребер, следите за головой! Ну, все вместе: раз, два, взяли!
- Тело шевельнулось.
- Еще разок! Раз, два, взяли!
- Труп опять шевельнулся. Глухой вздох вырвался из-под него, из снега, когда туда проник воздух.
- Господин фельдфебель, нога отваливается, — крикнул Хиршман.
- Нога в сапоге провисла. Плоть внутри сгнила из-за талой воды и уступила.

— Опустите! Ниже! — крикнул Мюкке. Но было уже поздно. Тело сползло наземь, в руках у Хиршмана остался сапог.

— Нога там? — спросил Иммерман.

— Отставьте сапог и копайте дальше! — гаркнул Мюкке Хиршману. — Кто мог знать, что он уже этак размяк! А вы, Иммерман, успокойтесь. Имейте уважение к смерти!

Иммерман озадаченно посмотрел на Мюкке, но промолчал. Через несколько минут они раскидали весь снег вокруг мертвеца. В мокром френче нашли бумажник с документами. Чернила расплылись, но прочитать можно. Гребер оказался прав; это был лейтенант Райке, который осенью служил у них в роте взводным.

— Надо немедленно доложить, — сказал Мюкке. — Оставайтесь здесь! Я сейчас вернусь.

Фельдфебель зашагал к дому, где жил ротный. Единственному мало-мальски целому. До революции он, вероятно, принадлежал попу. Раэ сидел в большой комнате. Мюкке с ненавистью глядел на широкую русскую печь, в которой горел огонь. На лежанке спала лейтенантова овчарка. Мюкке доложил о случившемся, и Раэ пошел с ним к церкви. Минуту-другую смотрел на Райке. Потом сказал:

— Закройте ему глаза.

— Нельзя, господин лейтенант, — возразил Гребер. — Веки уже чересчур размякли. Порвутся.

Раэ перевел взгляд на разбитую церковь:

— Отнесите его пока что туда. Гроб у нас есть?

— Гробы остались в тылу, — сообщил Мюкке. — У нас было несколько штук для особых случаев. Они достались русским. Надеюсь, пригодятся им.

Штайнбреннер хохотнул. Раэ не засмеялся.

— Можем сколотить гроб?

— Слишком много времени потребуется, господин лейтенант, — сказал Гребер. — Тело чересчур размякло. Да и подходящие доски в деревне вряд ли найдутся.

Раэ кивнул:

— Положите его на плащ-палатку. В ней и похороним. Выройте могилу и сколотите крест.

Гребер, Зауэр, Иммерман и Бернинг понесли обмякшее тело к церкви. Хиршман нерешительно пошел следом, с сапогом, в котором были остатки ноги.

— Фельдфебель Мюкке! — сказал Раэ.
— Господин лейтенант!
— Сегодня сюда доставят четверых пленных русских партизан. Завтра утром они будут расстреляны. Наша рота получила соответствующий приказ. Опросите взвод, есть ли добровольцы. Иначе людей назначит канцелярия.

— Слушаюсь, господин лейтенант!
— Одному Богу известно, почему именно мы! Хотя при нынешней неразберихе...
— Я доброволец, — сказал Штайнбреннер.
— Хорошо. — Лицо Раэ не дрогнуло. По расчищенной в снегу дорожке он зашагал обратно.

Обратно к своей печке, подумал Мюкке. Слабак! Что уж тут особенного — расстрелять нескольких партизан? Будто они не уколошили сотни наших парней!

— Если русских доставят вовремя, пускай они заодно и для Райке могилу выроют, — сказал Штайнбреннер. — Тогда нам не придется пуп надрывать. Одно к одному. Верно, господин фельдфебель?

— Да как хотите! — Мюкке разозлился. Ишь, умник выискался, думал он. Тощий дылда, каланча в роговых очках. Лейтенант еще с той, первой войны. На этой в звании так и не повышен. Храбрый, конечно, ну а кто не храбрый? Но по натуре не командир.

— Какого вы мнения о Раэ? — спросил он у Штайнбреннера. Тот недоуменно воззрился на него:
— Он же наш ротный, так?
— Ясное дело. Но вообще?
— Вообще? В каком смысле «вообще»?
— Ни в каком, — буркнул Мюкке.

— Достаточно глубоко? — спросил старший из русских, мужчина лет семидесяти, с грязными седыми усами и очень синими глазами. Он кое-как говорил по-немецки.

— Заткнись, говорить будешь, только когда спросят, — отрезал Штайнбреннер. Он здорово оживился. Глаза его следили за женщиной, которая была среди партизан. Молодая, крепкая.

— Надо поглубже, — сказал Гребер. Вместе со Штайнбреннером и Зауэром он охранял пленных.

— Для нас? — спросил русский.

Штайнбреннер быстро и легко подскочил к нему, с размаху хлестнул ладонью по щеке.

— Я же сказал, дед, заткни варежку. Тут тебе не базар!

Он ухмыльнулся. В лице не было злобы. На нем читалось лишь удовольствие, с каким ребенок отрывает лапки мухе.

— Нет, эта могила не для вас, — сказал Гребер.

Русский не двигался. Замерев, смотрел на Штайнбреннера. А Штайнбреннер смотрел на него. Выражение его лица вдруг изменилось. Стало напряженным, бдительным. Он думал, русский бросится на него, и ждал первого движения. Невелика важность, если он без разговоров пристрелит партизана, все равно ведь тот приговорен к смерти, и никто не станет докапываться, действовал ли он в порядке самообороны или нет. Но Штайнбреннер не считал, что это одно и то же. Гребер не знал, то ли он вроде как из спортивного интереса норовит разозлить русского, чтобы тот на мгновение забылся, то ли в нем еще жила частица странного педантизма, которая постоянно искала предлог, чтобы и при убийстве выглядеть перед самим собой блюстителем закона. Здесь было то и другое. Причем одновременно. Гребер частенько видел такое.

Русский не двигался. Кровь стекала из носа в усы. Гребер размышлял, как бы он сам поступил в такой ситуации — кинулся бы на противника, рискуя за ответный удар мгновенно отправиться на тот свет, или безропотно примирился бы со всем, лишь бы прожить еще несколько часов, еще одну ночь. Ответа он не находил.

Русский медленно нагнулся, поднял кирку. Штайнбреннер сделал шаг назад. Готовый выстрелить. Но русский не выпрямился. Опять начал долбить землю в яме. Штайнбреннер осклабился:

— А ну, ложись.

Русский отставил кирку, лег в яму. Лежал не шевелясь. Несколько комьев снега упали на него, когда Штайнбреннер перешагнул через могилу.

— В длину достаточно? — спросил он у Гребера.

— Да, Райке был невысокий.

Русский смотрел вверх. Широко открытыми глазами. В них словно бы отражалась небесная синева. Мягкие волоски усов возле рта трепетали от дыхания. Штайнбреннер оставил его некоторое время лежать. Потом скомандовал:

— Вылезай!

Русский выбрался из ямы. На пиджак налипла мокрая земля.

— Та-ак, — сказал Штайнбреннер, глянув на женщину. — Теперь пойдем копать могилы для вас. Не такие глубокие. Без разницы, сожрут ли вас летом лисы.

Раннее утро. Тусклая красная полоска проступала у горизонта. Снег хрустел; ночью опять слегка подморозило. Отрытые могилы казались до жути черными.

— Черт, — сказал Зауэр. — Чего только на нас не взваливают! С какой стати мы должны этим заниматься? Почему не СД?¹ Вот кто спецы по расстрелам. С какой стати мы? Причем уже третий раз. Мы же порядочные солдаты.

Гребер небрежно держал винтовку в руке. Сталь была очень холодная. Он надел перчатки.

— СД занято дальше в тылу.

Подошли остальные. Штайнбреннер единственный выглядел вполне бодрым и выспавшимся. Кожа светилась розовым, как у ребенка.

— Слушайте, — сказал он, — тут ведь телка есть. Оставьте ее мне.

— Почему это тебе? — спросил Зауэр. — Обрюхатить ее ты уже не успеешь, времени нету. Раньше надо было пробовать.

— Он и попробовал, — сказал Иммерман.

Штайнбреннер сердито обернулся:

— Откуда ты знаешь?

— А она его не подпустила.

— Много ты понимаешь! Да если б я захотел, эта красная телка была бы моя.

— А может, и нет.

— Хватит языком молоть. — Зауэр откусил кусок табаку. — Если он про то, что ему охота самому ее пристрелить, своими руками, так, по мне, и пускай. Я лично не рвусь.

— Я тоже, — вставил Гребер.

Остальные молчали. Светлело. Штайнбреннер бросил:

— Пристрелить... Много чести для этой шайки! Патронов жаль! Повесить их надо!

¹ СД (SD = Sicherheitsdienst) — служба безопасности, разведывательное управление СС.

— Где? — Зауэр огляделся. — Ты где-нибудь видишь дерево? Или нам сперва еще и виселицу надо строить? А из чего?

— Вон они, — сказал Гребер.

Мюкке доставил четверых русских. Под конвоем — двое солдат впереди, двое сзади. Первым шел старик, за ним — женщина, дальше двое мужчин помоложе. Не дожидаясь приказа, они стали в ряд возле могил. Женщина заглянула в яму и только потом повернулась. На ней была красная шерстяная юбка.

Лейтенант Мюллер из первого взвода вышел из дома ротного. Он замещал Раэ на экзекуции. Смешно, однако формальности нередко еще соблюдались. Каждый знал, что четверо русских, возможно, партизаны, а возможно, и нет, — но их по всей форме допросили и вынесли приговор, реальных шансов уцелеть ни один не имел. Да и что тут, собственно, устанавливать? Ведь у них, говорят, было оружие. Теперь вот их расстреляют, по всей форме, в присутствии офицера. Будто им не все равно.

Лейтенанту Мюллеру был двадцать один год, и в роту его прислали полтора месяца назад. Он внимательно оглядел приговоренных и зачитал приговор.

Гребер смотрел на женщину. Та спокойно стояла в своей красной юбке перед могилой. Крепкая, молодая, здоровая, созданная рожать детей. Она не понимала, что там читает Мюллер, но знала, что это ее смертный приговор. Знала, что через считанные минуты жизнь, кипящая в ее здоровых жилах, оборвется навсегда, и все же стояла спокойно, будто не происходило ничего особенного, будто ее лишь слегка знобило на холодном утреннем воздухе.

Гребер увидел, как Мюкке с важным видом что-то шепнул Мюллеру. Мюллер поднял глаза:

— А после никак нельзя?

— Лучше так, господин лейтенант. Проще.

— Ладно. Делайте как хотите.

Мюкке шагнул вперед.

— Скажи вон ему, пускай снимет сапоги, — велел он старику-русскому, который понимал по-немецки, и показал на одного из пленных помоложе.

Старик сказал, что требовалось. Тихим голосом, почти нараспев. Другой, тщедушный, сперва не понял.

— Живо! — рявкнул Мюкке. — Сапоги! Снимай сапоги!

Старик повторил прежний приказ. Второй русский наконец понял и заспешил, будто был обязан разуться как можно скорее, да замешкался. Пошатываясь на одной ноге, стягивал сапог с другой. Зачем он так спешит? — подумал Гребер. Чтобы умереть минутой раньше? Русский снял сапоги, услужливо протянул их Мюкке. Добротная обувь. Мюкке что-то буркнул, показал вбок. Русский поставил туда сапоги и вернулся в строй. Стоял на снегу в грязных портянках. Из них торчали желтые пальцы, и он смущенно их поджимал.

Мюкке оглядел остальных. Обнаружил у женщины рукавицы на меху, приказал положить их рядом с сапогами. Потом секунду-другую смотрел на красную юбку. Целая, из хорошего материала. Штайнбреннер украдкой ухмыльнулся, но Мюкке не приказал женщине снять юбку. То ли боялся Раэ, который из окна мог наблюдать за экзекуцией, то ли не знал, куда потом эту юбку девать. Шагнул назад.

Женщина что-то очень быстро проговорила по-русски.

— Спросите, чего она хочет, — сказал лейтенант Мюллер. Он был бледен. Первая казнь для него.

Мюкке передал вопрос старику.

— Ничего она не хочет. Вас прокликает, и всё.

— Что? — громко переспросил Мюллер, ни слова не разобрав.

— Вас она прокликает, — сказал русский уже громче. — Вас и всех немцев, которые топчут нашу русскую землю! Проклинает ваших детей! Желает, чтобы ее дети однажды вот так же расстреляли ваших детей, как вы сейчас расстреливаете нас.

— Какая наглость! — Мюкке уставился на женщину.

— У нее двое детишек, — добавил старик. — А у меня трое сыновей.

— Хватит, Мюкке! — нервно вскричал Мюллер. — Мы не паспоры.

Солдаты стояли не шевелясь. Гребер ощупал винтовку. Он опять снял перчатки. Сталь холодом впивалась в пальцы. Рядом с ним стоял Хиршман. Лицо пожелтело, но он не двигался. Гребер решил стрелять в русского, который стоял дальше всех слева. Вначале, когда его назначали в расстрельную команду, он палил в воздух, но сейчас уже нет. Смертникам от этого никакой пользы. Другие думали так же, как он, и случалось, почти все нарочно стреляли мимо. Расстрел поневоле повторяли, а в результате пленных

казнили дважды. Раз, правда, когда пули прошли мимо, какая-то женщина пала на колени и в слезах благодарила их за лишние две-три минуты жизни, что достались ей таким образом. Он не любил вспоминать ту женщину. Да теперь такого и не случилось.

— Целься!

В прицел Гребер видел русского. Усатого старика с синими глазами. Прицел делил лицо пополам. Гребер опустил винтовку пониже. Последний раз он отстрелил кому-то нижнюю челюсть. В грудь надежнее. Он заметил, что Хиршман направил ствол выше и собирается стрелять поверх головы.

— Мюкке увидит! Держи пониже. Вбок! — пробормотал он.

Хиршман опустил ствол.

Раздалась команда:

— Огонь!

Русский как бы поднялся, шагнул Греберу навстречу. Казалось, он весь выгнулся, как в выпуклом зеркале ярмарочного балагана. Выгнулся и рухнул навзничь.

Старика отшвырнуло в могилу. Только ноги торчали из ямы. Двое других мужчин просто осели наземь, где стояли. Тот, что без сапог, в последнюю секунду вскинул руки, защищая лицо. Одна рука тряпкой висела на сухожилиях. Никого из русских не сковали и глаза им не завязали. Забыли.

Женщина упала ничком. И была жива. Оперлась на руку и, подняв голову, неотрывно смотрела на солдат. Штайнбреннер скроил довольную мину. Кроме него, никто в нее не целился.

Старик-русский что-то еще крикнул из могилы, потом затих. Только женщина так и лежала, подперев голову рукой. Широкое лицо смотрело на солдат, она что-то шептала. Старик-русский был мертв, и никто уже не мог перевести ее слова. Она лежала, опершись на локти, словно большая яркая лягушка, неспособная двинуться дальше, и все шептала, ни на миг не отводя глаз от солдат. Едва ли она заметила, как сбоку к ней подошел раздосадованный Мюкке. Все шептала, шептала и лишь в последний миг увидела револьвер. Отдернула голову, вцепилась зубами в руку Мюкке. Тот чертыхнулся и левым кулаком вмазал ей в челюсть. А когда зубы разжались, выстрелил ей в затылок.

— Чертовски хреново стреляете, — буркнул Мюллер. — Целиться не умеете?

— Это Хиршман, господин лейтенант, — сообщил Штайнбреннер.

— Нет, не Хиршман, — сказал Гребер.

— Молчать! — гаркнул Мюкке. — Ждите, когда вас спросят.

Он посмотрел на Мюллера. Тот был очень бледен и не шевелился. Мюкке нагнулся к остальным русским. Одному из тех, что помоложе, приставил револьвер к уху и выстрелил. Голова дернулась и опять замерла. Мюкке сунул револьвер в кобуру, посмотрел на свою руку. Достал платок, замотал место укуса.

— Смажьте йодом, — посоветовал Мюллер. — Где санитар?

— В третьем доме слева, господин лейтенант.

— Ступайте туда.

Мюкке ушел. Мюллер перевел взгляд на казенных. Женщина лежала ничком, уткнувшись лицом в мокрую землю.

— Положите их в могилу и закопайте, — сказал он. Неизвестно почему он вдруг жутко разозлился.

II

Ночью гул на горизонте опять усилился. Небо красное, вспышки выстрелов видны отчетливее. Десять дней назад полк отвели в тыл на отдых. Но русские приближались. Фронт перемещался каждый день. Четкой линии уже не существовало. Русские наступали. Уже который месяц. А полк уже который месяц отступал.

Гребер проснулся. Прислушался к гулу, попробовал снова уснуть. Без толку. Немного погодя натянул сапоги и вышел наружу.

Ночь ясная, не холодно. Справа, из-за леса, доносились разрывы. Парашюты осветительных ракет прозрачными медузами висели в воздухе, источая свет. Еще дальше шарили по небу прожектора, выискивали самолеты.

Гребер остановился, посмотрел вверх. Луны нет, зато звезд полным-полно. Он, правда, их не замечал, видел только, что ночь в самый раз для авиации.

— Отличная погодка для отпускников, — сказал кто-то рядом с ним. Иммерман. Он стоял в карауле. Полк находился на отдыхе, но партизаны просачивались повсюду, поэтому ночью выставляли часовых.

— А ты рановато, — сказал Иммерман. — До смены еще полчаса. Иди лучше вздремни, я тебя разбуджу. В твоем возрасте всегда можно поспать. Сколько тебе? Двадцать три?

— Да.

— Ну вот.

— Я не устал.

— Отпускной мандраж, да? — Иммерман испытующе посмотрел на Гребера. — Вот ведь везуха! Отпуск!

— Я пока не в отпуск. В последнюю минуту могут все отменить. Со мной бывало такое, целых три раза.

— Верно, могут и отменить. Давно на очереди?

— Полгода уже. Все время что-нибудь да мешало. Последний раз ранение, нетяжелое, для отправки на родину не хватило.

— Н-да, осечка... но ты хотя бы на очереди. А я нет. Бывший социал-демократ. Политически неблагонадежен, шанс на героизм, и всё. Пушечное мясо и удобрение для Тысячелетнего рейха.

Гребер огляделся по сторонам.

Иммерман рассмеялся:

— Немецкий взгляд! Не бойсь, все дрыхнут. В том числе и Штайнбреннер.

— Да я и не думал об этом, — сердито ответил Гребер. Именно об этом он и думал.

— Тем хуже. — Иммерман опять засмеялся. — Так засело в печенках, что уже и не замечаешь. Забавно, что в нашу героическую эпоху именно доносчики кишмя кишат, как грибы после дождя! Вообще-то, наводит на некоторые мысли, а?

Гребер помедлил, но потом все же сказал:

— Раз ты все так хорошо знаешь, не мешало бы тебе побольше остерегаться Штайнбреннера.

— Да плевал я на Штайнбреннера. Мне он может насолить меньше, чем вам. Именно потому, что я не осторожничаю. У таких, как я, это признак честности. Будешь не в меру вилять хвостом — бонзы только подозрительнее станут. Старое правило бывших соци, чтобы остаться вне подозрений. Или как?

Гребер подышал на руки.

— Холодно, — сказал он.

Ему не хотелось ввязываться в политический разговор. Лучше вообще ни во что не ввязываться. Он хотел получить отпуск, вот и все, и не хотел ставить его под удар. Иммерман прав: недоверие — самое распространенное качество в Третьем рейхе. Почти нигде не бываешь в полной безопасности. А если ты не в безопасности, держи рот на замке.

— Когда ты последний раз был дома? — спросил Иммерман.

Ремарк Э. М.

Р 37 Время жить и время умирать ; Черный обелиск ; Жизнь взаимы, или У неба любимчиков нет : романы / Эрих Мария Ремарк ; пер. с нем. М. Рудницкого, В. Станевич, Н. Федоровой. — М. : Издательство АСТ, 2026. — 960 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-33078-8 (Азбука)

ISBN 978-5-17-189272-2 (АСТ)

Эрих Мария Ремарк — один из самых известных и читаемых немецких писателей в мире, произведения которого переведены на десятки языков. В настоящем издании представлены романы «Время жить и время умирать», «Черный обелиск» и «Жизнь взаимы, или У неба любимчиков нет». Роман «Время жить и время умирать» (1954) повествует о немецком солдате времен Первой мировой войны Эрнсте Гребере, который возвращается с Восточного фронта в родной город. Ему отпущено три недели отпуска — целая жизнь, прежде чем он вернется обратно... «Черный обелиск» (1956) — во многом автобиографичный роман о судьбах «потерянного поколения». Действие разворачивается в Германии в 1923 году. 25-летний Людвиг Бодмер, продавец надгробных памятников и воскресный органист в лечебнице для душевнобольных, пытается найти свое место в мире, погруженном в хаос инфляции и нарождающегося фашизма, но не утратившем человечности. «Жизнь взаимы, или У неба любимчиков нет» (1959) — это история взаимоотношений автогонщика Клерфа и Лилиан, девушки, неизлечимо больной туберкулезом. У их любви нет будущего, но есть настоящее и те короткие минуты счастья, которые наполняют наше существование смыслом и заставляют задуматься о ценности каждого мгновения.

УДК 821.112.2

ББК 84(4Гем)-44

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК
ВРЕМЯ ЖИТЬ И ВРЕМЯ УМИРАТЬ
•
ЧЕРНЫЙ ОБЕЛИСК
•
ЖИЗНЬ ВЗАИМЫ,
ИЛИ У НЕБА ЛЮБИМЧИКОВ НЕТ

Ответственный редактор Оксана Прилежаева
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Валентина Гончар, Татьяна Бородулина, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 06.07.2026. Формат издания 60 × 88 1/16.
Печать офсетная. Тираж 7000 экз. Усл. печ. л. 58,8. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ILN-42424-01-R